

Почти все мои знакомые что-то слышали про Зигмунда Фрейда, того самого, что придумал и создал систему психоанализа. Кое-кто из моих знакомых пытался даже его книги читать, наивно полагая, что «толкование сновидений» и понимание глубинного смысла «комплекса Эдипа» как-то помогут им разъяснить многие любопытные события, происходящие в окружающей их жизни, и понять их на бытовом уровне. Это, конечно, неправильно и наивно. Мне приходилось видеть, как, уподобляясь цыганкам, вполне респектабельные и образованные дамы гадают по великой китайской «Книге перемен» — «И-цзин». Процессы сопоставимые. Об это непонимание глуби-

ны современной науки споткнулся даже великий и, по-моему, далеко не глупый Владимир Набоков, решивший с кондачка освоить теорию психоанализа, но, ничего не поняв в ней, в результате обозвал неприлично её гениального создателя. Ещё бы этот Набоков между делом попытался освоить специальную теорию относительности Эйнштейна!

Проще скажу: вся теория Фрейда — вспомогательный инструмент врачей-психиатров, а эти специалисты блуждают в таких медицинских дебрях, в которые не забираются ни терапевты, ни стоматологи, ни проктологи! Когда я попытался сформулировать пару своих вопросов, касающихся этого самого психоанализа и задать их своему доброму приятелю

Олег Алексеевич Рябов (1948 г.р., Горький) закончил политехнический институт по специальности «радиоинженер». Работал в НИИ научным сотрудником, в проектном институте начальником снабжения, в Облкниготорге — товароведом, в оперном театре — дежурным электриком, на мясокомбинате — зам. директора, в типографии — начальником. Первая публикация — стихи в газете «Ухта» Коми АССР (1968). Автор 20 книг стихов и прозы. Печатался в различных журналах. Финалист конкурсов «Ясная поляна», им. В. М. Шукшина «Светлые души» в Вологде, лауреат премии Б. Корнилова, «Болдинской премии», трижды лауреат премии Нижнего Новгорода в области литературы. Член Союза писателей России (2002) и ПЕН-клуба (2011). Главный редактор журнала «Нижний Новгород». Указом президента РФ награждён медалью А. С. Пушкина.

лю, профессору медицины, он меня уже на подходе перебил словами: «Не мучайся: это всё — комплекс неполноценности!» Я даже в первый момент не понял, к чему это замечание относится: к психоанализу или к моим вопросам, но уточнять не стал.

Понятно, что мне от этого объяснения легче не стало — теперь мне предстояло выяснить, что такое «комплекс неполноценности» в полном его объёме, и каковы могут быть последствия от его присутствия. Но эта проблема разрешилась сама и очень быстро. Буквально через день я встретил своих одноклассников — Вовку Цыганова, а потом и Сашку Жолтовского, которых не видел почти тридцать лет. А тут, вдруг, в один день — и с обоими поболтать удалось: с Жолтовским в сквере на скамеечке по паре сигарет выкурили, а с Цыгановым уже вечером на каком-то конкурсе, а потом на банкете в ресторане за одним столиком оказались, и тоже — ушли курить вдвоём. Вовка Цыган и Сашка Желток учились вместе со мной с первого класса. С первого класса они дружили, но на чём эта многолетняя дружба держалась, мне непонятно было до сегодняшнего дня. Жили они далеко-далеко друг от друга: Цыган на Кадочке, это в Коммунальном посёлке, в самом бедном частом секторе, в бараке с земляными полами, за пять трамвайных остановок от нашей школы, а Желток — в офицерских домах напротив Оперного театра. Отец у Сашки был самым настоящим полковником: он всю войну прошёл и держал Сашку в ежовых рукавицах —

как солдата-первогодка. Зато выглядел Сашка, когда шёл в школу, всегда «на ять»: галстук пионерский повязан так, что только на плакат советский фотографируй его, гимнастёрка школьная сзади из-под ремня двумя шлицами ровными торчит, ботинки обязательно ваксой надраены — в общем, отличник рафинированный по всем статьям. У Вовки отец тоже всю войну прошёл, только вернулся инвалидом контуженным, иногда его начинало подёргивать, да так, что страшно становилось — не помрёт ли тут же на месте. Работал он сапожником в артели, в мастерской на Республиканской. Своего Вовку он тоже любил и регулярно воспитывал, но по-своему — ремнём. У Вовки и форма всегда была мятая, и галстук он носил обычно в кармане, у портфеля ручка оборвана и висит портфель на верёвке бельевой через плечо; а ботинки он не чистил никогда — может, только осенью водичкой из лужи помоем маленько, и всё. Просто он к жизни своей относился, без энтузиазма.

И, как я сейчас понял — тогда, в семь лет, у них у обоих и сформировался этот комплекс неполноценности. Они сами и формировали его активно друг у друга, хотя и дружили очень крепко. Сидели они все годы за одной партией, за последней. И вопреки досужим домыслам, что за последней партией сидят двоечники и хулиганы, Сашка с Вовкой учились очень даже неплохо — оба. Они подсказывали друг другу, помогали, давали списывать и всё это как-то по-деловому, по-взрослому, обду-

манно. Я это точно всё помню, а как же: я с ними десять лет каждый день по несколько часов бок о бок отирался. Так вот — комплекс неполноценности у них постоянно и усиленно формировался.

Вовка Цыганов всегда умёл плевать тоненькой струйкой сквозь передние зубы, а у Сашки не получалось. Зато у Сашки в первом классе был игрушечный пистолет, который щёлкал бумажными пистонами, а вот у Вовки была отличная рогатка с красной резиной. Сашка несколько раз просил у отца, чтобы тот смастерил ему настоящую хорошую рогатку, из которой можно было бы пульками-чугунками стрелять по воробьям, а тот всё обещал-обещал, да забывал. Так и остался бы Сашка на всю жизнь без рогатки, если бы Вовка ему не подарил свою на день рождения.

Вот Сашка бы никогда в жизни не смог обозвать учительницу по физике в лицо душой, а Вовка сумел, и ничего: учительница даже не обиделась, сделала вид, что не услышала. Так, в седьмом классе Вовка на городской олимпиаде стал победителем, хотя его от школы туда и не выдвигали. А когда объявлены были результаты, и директор школы пришла в класс, чтобы поздравить Вовку, учительница по физике громко объявила: «Я просто не понимаю, как ты смог решить эту задачу?». На что Вовка, передразнивая тон учительницы, ответил: «Ну и дура!» И ничего — проскочило! Проскочило, потому что было что-то взрослое в их полемике.

Помнится, в восьмом классе Сашка с Вовкой в тёмном школьном коридоре встретили старшую пионервожатую Соню Репу (фамилия у неё такая была), и Вовка, прижав её к стенке, шипящим шёпотом объявил ей: «Мы тебя изнасилуем!». На что пионервожатая Соня, поправив причёску, кокетливо объявила — почему-то Желтку: «Саша, когда я надумаю, я сама вас с Вовой изнасилую. Только подождите немного, подрастите, и я вам отдельно доложу о своей готовности!» И получилось всё это оскорбительно, по-детски, будто эта Соня Репа с ними, как с детьми малыми, разговаривала: и ни капли смущения, и ни чуточки кокетства. Сашке в тот момент стало и обидно, и стыдно одновременно, а Вовке — хоть бы хны.

Так часто получается, когда друзья постоянно вместе, и их принимают часто уже за один субъект, а на поверку, когда распределяются успехи и потери, происходит путаница. Как-то раз, уже учась в девятом классе, друзья стали свидетелями, как в скверике на площади Свободы двое незнакомых мальчишек стали приставать к их однокласснице Лиде, которая куда-то торопилась. Друзья случайно оказались рядом и решили выручить девочку. И у них всё получилось: Сашка Желток так яростно бросился на незнакомцев, что те не сумели дать никакого серьёзного отпора и, чуть-чуть помажавшись, быстренько ретировались. Только на другой день Вовка пришёл в школу почему-то со сломанным носом, о чём говорили синяки вокруг глаз,

так называемый «симптом очков», который свидетельствует о переломе костей основания черепа. В общем — у него был сломан нос, и все девчончьи симпатии и уважение за победу над чужаками выпали на долю Вовки. Сашке оставалось не то чтобы гордиться за товарища, а просто, глотая обиду, завидовать. Я всё про комплекс неполноценности хочу поговорить: он возникает и успешно растёт у человека вот в таких случаях, когда ожидаемый и очевидный успех становится вдруг недостижимым по самым объективным и просчитываемым причинам, но, тем не менее, человек стремится к преодолению этих естественных барьеров, и иногда это удаётся сделать. Поэтому друзья, ежедневно сталкиваясь с этой проблемой, всё же пытались её решить. Они часто после уроков заходили домой к Саше, где бабушка кормила их супом и поила киселём или компотом. Кормила она ребят всегда в большой комнате, за обеденным столом, покрытым скатертью. И когда Сашка говорил бабушке: «Мы с Вовкой на кухне быстренько перекусим!» — бабушка отвечала: «Сашенька, в добрые старые времена на кухне только извозчиков и трубочистов кормили. А ты что же, друга-то своего за извозчика принимаешь? Нет уж — давай соберай на стол, и я с вами чаю чашку выпью».

Даже такое замечание — при определённой интонации — оставляло след в подкорке у обоих молодых людей, след, который со временем не затушёвывается, а нао-

борот — становится всё рельефнее. Вы должны понять, как формировался комплекс у Вовки Цыганова. Если мыслительно-сообразительные способности у друзей были на сравнительно одинаковом уровне, то бытовые условия их существования разительно отличались, и оба друга хорошо это понимали. Папа Сашки Жолтовского мог взять друзей вместе на рыбалку или покататься на лыжах, пока они были ещё не достаточно самостоятельными. В то же время дома Вовка от отца мог услышать, что всякий горшок должен знать свой шесток, или — не в свои сани не садись. Понятно, что поездка за грибами на полковничьей «Волге» всё равно становилась лёгким незаметным уколом для обоих друзей, именно — для обоих. Этот вроде бы естественный демократизм под определённым углом зрения превращался в барское покровительство, за которое когда-нибудь может быть выставлен счёт. Старший Цыганов не одобрял этой дружбы, я помню, я знал это от Вовки. Совершенно естественным образом Вовкин отец считал, что конечный результат этой дружбы может быть очень печальным, даже если не называть комплекс неполноценности его полным именем.

И вот, что я увидел через тридцать лет. Шёл девяносто пятый год. Сашка Жолтовский сам меня окликнул, когда я проходил через скверик на Ковалихе, где он сидел и курил на скамеечке. Был похож он на серенького, сморщенного старичка: и пиджак серенький, и рубашка синяя под

самое горло на пуговики застёгнутая, и лицо пепельное.

— Привет, старик! Не узнаёшь? — бросил он мне негромко.

— Чего это — «не узнаю»? Сашка Жолтовский. Ты же меня узнал, и я тебя узнаю всегда.

Я уселся рядом с ним. Июнь, акации жёлтыми нищими цветочками цветут, воробьи чирикают, голуби под ногами гуляют, тепло. Мы закурили. Потом ещё по одной. Я недавно заметил за собой одну новую, недавно проявившуюся личную особенность — или даже способность: научился я незаметно вызывать человека на разговор. Так получилось и с Сашкой. Окончил он после школы военное училище, отличился в Афганистане, вернулся подполковником, героем, женат уже был, двое мальчишек, квартира хорошая в Ростове. И вот — в пьяной драке убил человека, младшего офицера. Трибунал, лишение звания, наград, отсидел пять лет. Жена с сыновьями куда-то уехала и велела её не искать. После лагеря вернулся в родной город, к родителям. Женился, а через полгода — снова пьяная драка и снова три года тюрьмы. Во время этой второй отсидки и папа, и мама умерли.

— А сейчас я уже в третий раз откинулся, и чего делать, и куда пойти — не знаю. Живу по-прежнему в родительской квартире. Восемьдесят метров, четыре метра потолки, стопроцентная сталинка, вся мебель ещё родительская, немецкая, трофейная, картины на стенах, две комнаты Нинкины, жены моей, с которой мы тоже уже в законном раз-

воде, хотя спим иногда вместе, она не отказывает, а две комнаты — мои.

— У тебя же друг верный был, Вовка Цыганов, он сейчас в администрации большой начальник, не помню, правда, кем он там, но я бы на твоём месте — к нему прямым ходом.

— Ну, во-первых, не желаю я тебе оказаться когда-нибудь на моём месте. Во-вторых, Цыган управляет сейчас всем коммунальным хозяйством города, это — хороший, настоящий денежный поток. Сел на деньги, как они там, в администрации, сами про себя говорят. А самое главное — больше всего боюсь я разочарования: приду, а он меня и не узнает! Точнее — узнает, но знать не захочет! А ведь наша детская дружба — это такое святое чувство, такое тёплое, что его просто так растереть что-то не хочется... Ты сам-то врубаешься, что, как только он меня увидит, так сразу же поймёт, что зашёл к нему «пахан зоны». В бане, когда я раздеваюсь, тут же кто-нибудь и шайку хорошую подаст, и место центровое освободят. От меня на версту тюрьмой пахнет, и ты это понял, и что с этим делать — не знаю.

Попрощались, обещал я ему позвонить. Жолтовского, которого я не видел тоже, наверное, тридцать лет — по мистическому «закону парности» встретил я тем же вечером: оказались мы волею судьбы в одном жюри какого-то подозрительного городского конкурса на «Мисс города». Уж не знаю, зачем меня пригласили в это жюри, и кто там победил, но девушки действительно были хороши — загляденье! Оба мы удивились

и обрадовались — пошли курить в вестибюль. Покурили, поделились добрыми и приятными школьными воспоминаньями, а потом я ему и говорю, что, мол, видел я только что его друга детства, Цыгана, рассказал про его непростую судьбу. Посмотрел на меня Жолтовский очень се-

рьёзно и как-то задумчиво, что ли:

— Я его найду! — заявил он с расстановкой, — ты не думай, найду. Я ведь ему, возможно, всей жизнью своей обязан. Знаешь — есть такой «комплекс неполноценности»? Ну, так вот!

5.12.2021